

После затяжных дождей наконец прояснилось. Солнечный свет пробивался сквозь старые оконные рамы, заливая палату. Стояло погожее утро, но Шэнь Син совсем не чувствовал тепла от этих лучей.

В палате слышался лишь мерный гул аппаратов жизнеобеспечения. Человек на кровати был очень худым, на вид — ровесник Цзян Линя. Черты лица у него были четкие, с характерными признаками национальных меньшинств. Цзян Линь сел на стул у кровати. Его голос звучал ровно, почти бесстрастно, когда он начал свой рассказ:

— Мы с ним не просто коллеги. Мы вместе учились в Полицейском университете Китая, четыре года жили в одной комнате. Вообще-то специальности у нас были разные: он учился на кинолога, и в нашу комнату попал просто потому, что там оставалось свободное место. Ты и сам понимаешь, какими способностями нужно обладать, чтобы пробиться из этих глухих гор в Пекин. Но он не был тем везунчиком-гением, которому всё дается легко. Он не хватал звезды с неба — он просто был невероятно упорным и трудолюбивым. Настолько старательным, что это ограничило с упрямством.

Даже при таком рвении его оценки в университете не были блестящими. Всё потому, что, помимо учебы, ему приходилось подрабатывать. Его дом — там, где ты вчера был. Глушь, бездорожье. Отец умер от внезапной болезни, когда он был совсем маленьким, и тётушка Шулань растила его одна. На двух му (ок. 13 соток) земли и десятке овец. Он был самым целеустремленным и надежным человеком из всех, кого я знал.

После выпуска он мечтал вернуться в Юньнань и стать оперативником наркоконтроля. Но за год до этого местную базу служебного собаководства расширили и набрали много людей, так что в наш год вакансий по его специальности почти не было. Баллов для возвращения домой ему не хватило. В то время как раз были места в Тяньцзине, и я предложил ему поехать со мной. Так мы вдвоем оказались в Тяньцзине: я пошел в отдел по борьбе с наркотиками, а он — в кинологическую службу.

Шэнь Син молча стоял рядом. Раньше он думал, что Цзян Линь — следователь по уголовным делам, и не ожидал, что тот окажется оперативником наркоконтроля. Он чувствовал бурю эмоций, скрытую за спокойным тоном соседа, и, ощущая его подавленность, решил спросить:

— И после этого вы работали вместе?

Цзян Линь слегка качнул головой:

— Не сразу. Кинологи помогали нам только по запросу. На четвертый год после выпуска наш отдел реорганизовали, и тогда он официально перевелся к нам. Я еще подшучивал над ним — мол, мечта сбылась, хоть и окольным путем.

Возможно, Шэнь Син действительно умел слушать, а может, Цзян Линь слишком долго носил это в себе, поэтому его рассказ был немного сбивчивым:

— Помню, первой собакой, которую он тренировал, была мать Хэйбао по кличке Бэнь-Бэнь. Так что Хэйбао родился прямо у нас в отделе. В том помете было четверо щенков, и Хэйбао был самым крошечным. Глаза открыл позже всех. Остальные щенки сосали молоко, а ему не доставалось, он даже на лапы встать не мог — они у него как ватные были. Бэнь-Бэнь, видимо, решила, что он не жилец, и перестала его кормить. Лю Сяоху выкармливал его смесью из бутылочки.

Помню, в обед все ребята из отдела бегали на задний двор в питомник поглазеть на щенков.

Мы хотели потискать маленького Хэйбао, но Сяоху защищал его как родного сына — никому не давал в руки. Мы смеялись, говорили, что это он сам его родил. Потом мать Хэйбао вышла в отставку, её пристроила к себе очень хорошая семья в Пекине. Щенки начали тренировки, и, как ни странно, именно Хэйбао — тот бывший задохлик — показал лучшие результаты. Команды схватывал на лету, словно в него бес вселился.

Цзян Линь продолжал негромко говорить, а Шэнь Син слушал очень внимательно. В этом месте он улыбнулся:

— Когда я впервые увидел Хэйбао на заправке, я подумал: «Ничего себе, какой статный пес, красавец со всех ракурсов». И не подумаешь, что в детстве он был таким беднягой.

Он выдержал паузу и спросил:

— Значит, Хэйбао «вышел на пенсию» из-за ранения Лю Сяоху?

Голова у Цзян Линя гудела, в ушах стоял звон. Казалось, он снова вернулся в тот день. Взрывная волна, вой сирен...

— Во время того задания Хэйбао принял пулю, предназначенную Сяоху. Ему удалили селезенку. По состоянию здоровья он больше не подходил под стандарты служебной собаки, поэтому его списали. Если бы он не закрыл собой Сяоху, того бы даже до реанимации не довезли.

Шэнь Син был потрясен. Он — человек, выросший в спокойном и мирном мире под защитой государства, даже не подозревал о таких вещах. То, о чем говорил Цзян Линь, не укладывалось в его привычную картину жизни. Но это не значило, что тьмы за спиной не существует — просто кто-то стоял на границе света и тени, принимая удар на себя.

Их разговор прервал звонок:

— Приехал брат тётушки Шулань.

Цзян Линь в замешательстве поднялся. Резкая боль в левой ноге заставила его пошатнуться. Он инстинктивно потянулся к спинке кровати, но Шэнь Син вовремя подхватил его под руку:

— Что с тобой?

Взглянув на соседа, Шэнь Син увидел, что тот бледнее мела, а губы совсем обескровлены. Он снова коснулся его лба — жар возвращался. Цзян Линь выпрямился:

— Ничего, просто голова закружилась из-за простуды.

Шэнь Син видел, что тот в ужасном состоянии, и не понимал — то ли от болезни, то ли от тяжелых воспоминаний.

— Ты же взял отгул. Езжай домой отдыхать. За больницу не переживай — тётушку Цао переведут из реанимации только завтра утром.

Цзян Линь промолчал. Вместе они перешли в главный корпус, где в кабинете встретились с братом и племянником Цао Шулань. Шэнь Син подробно изложил ситуацию.

— Если сегодня состояние будет стабильным, завтра переведем в общую палату. Потребуется уход со стороны родственников.

Это был самый насущный вопрос. В Пекине, в больнице Юэтань, Шэнь Син привык к палатам «без сопровождения», где за пациентами следили медсестры и профессиональные сиделки. Но здесь, в уездной больнице, таких условий не было. Уход после операции ложился на плечи родных или нанятого персонала.

Брат пациентки, Цао Шулинь, закивал:

— Да-да, доктор, я буду здесь эти дни. А... когда сестру выпишут?

— Если не будет осложнений, через неделю-десять дней. Но после перелома бедра ей и дома понадобится строгий медицинский уход.

Цао Шулинь замялся. Шэнь Син его понимал: у того наверняка своя семья и работа в другом городе. Помочь пару дней он может, но остаться надолго — вряд ли. В конце концов, все они — обычные люди, которым и так непросто живется.

Тут подал голос Цзян Линь:

— Насчет периода после выписки я что-нибудь придумаю. А пока, в эти дни, присмотрите за тётушкой Шулань.

Когда родственники ушли наверх, Шэнь Син поднял глаза на соседа:

— Герой, и что ты придумаешь? Наймешь ей сиделку?

Он знал, что Цзян Линя и Лю Сяоху связывает дружба не на жизнь, а на смерть. К тому же, судя по тюнингованному «Крузаку», Цзян Линь был человеком не бедным и, скорее всего, собирался платить из своего кармана.

Цзян Линь присел на маленький табурет у стола. Видимо, температура снова росла — на бледных щеках проступил румянец.

— Лю Сяоху был награжден орденом за заслуги первого класса. Хоть он и жив, он полностью утратил трудоспособность. По закону его родители имеют право на те же льготы, что и семьи погибших героев. Управление полиции и местное правительство обязаны о ней позаботиться. Рядом с больницей есть реабилитационный центр, его недавно расширили на базе старого санатория для ветеранов. Я поеду и узнаю, можно ли её туда оформить после выписки.

Шэнь Син кивнул:

— Да-да, это отличный вариант. Лю Сяоху пострадал при исполнении, так будет правильно.

Реабилитационный центр на базе госучреждения — это куда надежнее, чем непонятная сиделка на дому. А главное — это рядом с больницей. Если что случится, помощь подоспеет быстрее. Цзян Линю тоже будет спокойнее.

***

Шэнь Син отработал ночную смену и утреннюю экстренную операцию, так что прием в поликлинике у него был назначен на вторую половину дня. После обеда он буквально выставил Цзян Линя за дверь:

— Герой, иди уже домой. С таким лицом ты того и гляди свалишься прямо у меня в кабинете, а мне потом отвечай.

Цзян Линь вышел из больницы, но поехал не домой, а на работу.

Шэнь Син за прошлую ночь поспал от силы пару часов, но его выносливость была запредельной. К тому же рассказ Цзян Линя не давал ему покоя. Досмотрев всех пациентов, он перед самым концом смены отправился в отделение нейрохирургии.

Он постучал в дверь. Сидевший внутри врач лет пятидесяти поднял голову и улыбнулся:

— Доктор Шэнь, заходите!

Шэнь Син познакомился с заведующим отделением Цюй Чжо пару дней назад на дежурстве. Тот радушно потянулся заваривать чай, но Шэнь Син махнул рукой:

— Не утруждайтесь, доктор Цюй. Я пришел спросить про Лю Сяоху, который лежит в отделении ухода. Его история болезни у вас?

Цюй Чжо на мгновение замер, не ожидая такого вопроса:

— Да, его перевели к нам напрямую из Главного госпиталя вооруженной полиции.

О личности пациента он, разумеется, был в курсе.

— Можно мне посмотреть его медкарту?

Цюй Чжо протянул ему чай:

— Доктор Шэнь, я бы рад помочь, но вы же понимаете, кто он. Его карта засекречена. Я смогу показать её вам только с разрешения главврача.

Шэнь Син понимающе кивнул и глянул на часы:

— Хорошо. Я сейчас к главврачу Юю. Подождите меня.

Не успел Цюй Чжо и слова вставить, как Шэнь Син вихрем вылетел из кабинета. Его решительность была поразительной. Он ворвался к главврачу Юй Гуйпину, и тот, выслушав просьбу, не стал отказывать:

— Что ж, хорошо. Ты из крупной столичной клиники, взгляни — вдруг у тебя найдутся связи или новые методы, которые стоит попробовать.

Он тут же позвонил заведующему Цюю. Так Шэнь Син прямо перед концом рабочего дня получил на руки историю болезни Лю Сяоху.

<http://bllate.org/book/15778/1578479>